

16+

Константин Рассомахин
Сказка о Елпидифоре

Константин Рассомахин

Сказка о Елпидифоре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38010347

SelfPub; 2018

Аннотация

Сказка о волшебном яблоке, экзистенциальном вопросе и прытком лесничем Елпидифоре, рассказанная с применением современной изящной терминологии.

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были канцлер с канцеляршей – это, значит, король с королевой, по-старому. Эпоха тогда была просвещенная, и наука сильно продвинулась вперед, и ученых развелось – пруд пруди, все одни доктора да члены-корреспонденты, и канцлер с канцеляршей держали у себя при дворе с дюжину таких членов, да вот, к несчастью, ни один из этих корреспондентов не мог помочь своему покровителю в его недуге. А недуг-то и заключался всего-навсего в том, что не было у канцлера и канцелярши детей.

Для нас с вами, уважаемый электорат, это, конечно, не ахти какая беда – отсутствие потомства. Иное дело – цари. Им по статусу положено иметь наследников, ну если не целый выводок, то хотя бы одного, самого задрипанного, лишь бы народу было сподручно кормить его с ложки. А то если народу не кого кормить с ложки, то опускаются у него, у бедного народа, руки, и становится он сам не свой, худеет и умнеет на глазах, и всячески развинчивается. Ну да бог с ним, с народом, не о нем речь.

Итак, для королей забота о продолжении рода – настоящая беда, у них прямо лицо перекашивается, когда речь заходит о детях, а уж когда их нет, то тут и вовсе туши свет, бросай гранату. Чего только ни перепробовала бедная венценосная чета, чтобы достичь присовокупления в семье. Куда их только ни укалывали всякими иглами хитрые китайцы,

какой только активной биологической приправой ни пичкали их ушлые американцы, какие только конечности ни масировали им оголтелые турки, ничего не помогало державным супружникам избавиться от бесплодия.

И вот когда все средства уже были испробованы и у всей демократически настроенной части населения государства пошатнулась вера в непререкаемый авторитаризм науки, вспомнил канцлер Полкан Тринадцатый старую легенду про волшебную яблоню, якобы приносящую потомство тем, кто съест плоды с этого дерева. (Ну, не всем подряд, конечно, приносящую, а только женщинам. Мужчинам, в силу их физиологических отличий от слабого пола, подобная перспектива не светила, хоть скушай ты все то магическое растение со стволом, с листьями, с корнями и с землей, на которой оно стоит. Ну, если только ты очень хочешь, в порядке исключения, при изменении мужского пола на женский, — тогдашняя наука уже и до такого непотребства докатилась — страждешь исправить себе, так сказать, детородный инструмент и воспитать дите без вредного влияния феминизма, то можно и мужика от бесплодия вылечить. А вообще-то, конечно, фрукт этот предназначался для женского сословья.) Ну а легенда, стало быть, вот такая.

Со времен глубокого средневекового мракобесия и ханжества ходил в тех краях сказ о злой ведьме Ягине, которая однажды выручила из беды бога смерти и воздаяния по заслугам по кличке Чох. Не поделил этот самый Чох с богом

жизни и радости Пыхтуном одну нимфу – ну, не нимфу, а так себе нимфеточку сомнительной наружности, и вышел у них скандал на весь небосвод. Десять лет подконтрольные им средства массовой инсинуации густо сдабривали эфирное пространство лазури отборнейшими помоями, чему были несказанно рады отупевшие в религиозном невежестве канцелярские народности, не уставая хвалить небо за подкорм хилых посевов мака и конопли, пока в начале третьего года Господу нашему царю-батюшке, то есть самому главному их тeneвому богу, которому все заочно плевали в рожу, а очно признавались в чувстве и целовали в седалище, не надоела их собачья полемика. Чтоб более никому не повадно было хамить друг другу за глаза обидными плюрализмами, Главный временно отстранил Пыхтуна от занимаемой должности, отдав заботу о радостной жизни на откуп инквизиционной опричнины. Бога же смерти как сильно отметившегося в ругательном ремесле сквернавца снабдил для совершенства в означенном искусстве таким выразительным обличем и такими морфологическими ресурсами, что бедняга Чох утратил всякую возможность геройствовать на любовном фланге. Стоило ему только раскрыть свое любезное хайло перед какой-нибудь божественной грешницей и обратить на себя ее взоры, как несчастную красотку от одного созерцания этого мордоворота и от потоков рифмованного мата начинало крючить, и буравить, и наизнанку выворачивать, что, вполне понятно, несколько мешало их даль-

нейшему продвижению в сторону алькова. Короче говоря, тут не то, что амурного удовлетворения не получишь, рюмку шафрана – и то не опрокинешь – плавники с бивнями чинят препоны. Вот в этот самый момент и подвернулась Чоху ведьмочка Ягиня.

– Давай, – говорит, – сделаю из тебя Ален Делона, а ты меня взамен вечной жизнью и вечной молодостью побалуешь.

Чох, конечно, обложил ее шестиэтажным дивертисментом и согласился. А что поделать, если ее папа в те времена был большим воротилой чернокнижного промысла?

– На, тебе, дрянь ты эдакая, – говорит Чох, – твою собственную монаду, из которой ты, если верить Готфриду Вильгельму Лейбницу, стала возможной и появилась на свет. Храни ее как следует, в сухом и прохладном месте, но в то же время и неподалеку от себя, тогда ни жизнь, ни молодость вовек с тебя не соскоблятся. А чтоб у меня на кармическом балансе подушный дебет с кредитом сходился, вот тебе семечко волшебной яблони, посади его у себя в саду да глаз с него не спускай. Созревают на этом деревце не цветы-овощи, а жизни человеческие. Будешь этими яблоками кормить простых смертных налогоплательщиков, которым бог не дал потомства, а они в твой счет будут свои молодые жизни перечислять, продолжаясь в детях. Если перестанешь яблочных уроженцев мне поставлять, отниму у тебя монаду безо всякой жалостливой канители. Теперь же тебя не трону и даже возьму к себе на недельку любимой сожительницей, а

также буду тебе всякие поднебесные гостинцы подбрасывать до скончания моих полномочий, если сделаешь из меня не Алэн Делона, а Леонардо ди Каприо, твою мать, эпоху, душу, совесть, — ну, и так далее в том же духе...

— Ладно, — отвечает Ягиня, — слеплю из тебя ди Каприо, только лапы свои уберу с моей белой груди, винегрет моржовый, не про того сватана.

Ударили они, значит, по рукам, и с тех пор бог смерти Чох живет себе припеваючи на небесах, всех с ума сводит своей красою и ни одной юбке проходу не дает, а колдунья, закрутив монаду в рукоятку своей волшебной палочки, на земле тоже не жалобится, втихую ведет свой безвременный гешефт да пряники жует.

Вспомнил, стало быть, канцлер про легенду эту и велит привести к себе лесничего возраста призывного со странным именем Елпидифор.

— Слушай, лесник, — говорит канцлер, — выручай канцелярию. Сороковой год мне пошел, а семье моей нет никакого добавления от честной моей жены, канцелярши Полканихи. Достали меня окаянные доктора с их членами, не могут ничем подсобить ей, бедняжке, в плане оплодотворения. А детей-то мне надобно всего-навсего одну штуку безразличного рода, то бишь преемника или преемницу, чтоб окружающим меня политическим стервятникам не досталась в старости моя одряхлевшая пенсионная падаля. Ну и чтобы без похожего потомства мне, как и любому рабскому граждани-

ну, смысл жизни не представлялся пустой бесперспективной ахинеей. Ступай-ка ты к ведьме Ягине подобру-поздорову, пока в народе не начались митинги оппозиции, да купи у нее яблоко волшебное по оптовой цене.

– Тебя трансформаторной будкой шарахнуло, канцлер-отец, или обожрался ты тараканьих лапок, сваренных в обезьяньем соку? – вопросительно отвечает ему Елпидифор. – Али ты не знаешь, что вместо продолжения никудышного твоего рода ведьма тебя самого либо жену твою расписную раньше срока погубит? И ежели супружница твоя родит тебе дочь, а тебя самого не станет, то у кого же народ будет в ногах валяться и кому сопли будет вытирать, издержка ты пренатального периода?

– Цыц, – огрызается на него канцлер великий Полкан, – какие обороты загибаешь про вельможную персону? Не твоего стрелкового ума дело – королю советы отдавать. Что я, с какой-то бабой не сталкиуюсь? Что я, не политик, что ль? Вот тебе проект мирного договора с этой стервой, вот тебе нота протеста, если она заартачится, а вот и накладные – нагружай, значит, провианта побольше, я потом этими яблоками на международной арене буду спекулировать. И пусть только она попробует мне не дать. Я ей такое эмбарго покажу, какое одинокой женщине и не снилось. Что стоишь, как тумба? Иди, куда послали.

– Иди ты сам в эту скважину, если у тебя такая возбужденность, канцлер-батюшка, – аполитично восклицает Елпиди-

фор, – не пойду я к ведьме в лапы, пропаду на чужбине зря. Эта путана и наркоманка еще, чего доброго, меня самого, молодого и неженатого, охмурит, попользует и сплавит кому надо на тот свет за бесценок.

– Молчать, – церемонно заявляет либеральный канцлер Полкан. – Жизнь твоя и на родине ничего не стоит. Ступай, куда велено, да без яблока не возвращайся, а то твоей ма-тушки да твоего батюшки давно уже два электрических сту-ла ждут, как раз по соседству с электрическими удоб-ствами для газетчиков. Да в загородной резиденции у меня целый электрический гарнитур, нарочно заказанный из Се-верной Кореи для твоих братьев и сестер, и для всей твоей родни, лежит в целлофане не распакованный.

Делать нечего, канцлер хоть и социал-демократ, но зато большой затейник по части пыточных увеселений. Ведь ему ничего не стоит из одного лишь ворчливого любопытства поджарить человека газосварочным аппаратом, чтобы полу-чить редкую судебно-медицинскую фотографию. Плюнул на инкрустированный паркет обуянный скорбью лесничий Ел-пидифор, дал своему гражданскому возмущению отдушину и пошел с колдуньей разбираться. Не забыл он, конечно, за-хватить с собой и сабельку, и арбалет с оптическим прице-лом, и грамотами канцелярскими не погнушался – мало ли для какой нужды понадобятся.

Ходил он, бродил по долинам и по взгорьям, вступал в пограничные контакты с разными социальными индивидуа-

ми, расспрашивая у них дорогу к ведьме, пока в конце своих приключений не очутился в волшебном лесу, где цвело и благоухало такое число невиданных ботанических извращений, какое бывает только после поломки на атомной станции. По этому признаку и еще по тому, что кругом обнаруживались насыпи человеческих объедков, прямо как на нездоровых изображениях баталиста Верещагина, Елпидифор сразу смекнул, что угодил он аккурат в дендрарий колдуньи Ягини. К тому времени ночь уже уселась на землю, и спелая луна, осветив своей бледностью дикорастущий простор, придала антуражу уголовно-процессуальный оттенок.

В середине неопознанной экологической аномалии, на полянке, стояла, значит, заветная яблонька с одним-единственным позолоченным яблочком на рахитичной ветке, ну, все равно как в шовинистическом раю Адама и Евы. Только там не было бюджетных караульчиков, главный теневой Бог наш царь-батюшка в Эдеме сам на облаке обходил свои посевы и собственноручно отмечал смутьянов кулачком под дых, а здесь казенных вахтеров было аж целых две штуки поставлено, и оба не простые людишки, а злые вурдалаки, то бишь охотники на человечков. Правда, когда лесничий Елпидифор подступил к бандитской той малине и варезку свою раззявил, смерив яблоню экзальтированным взглядом, злыдни вурдалаки в сторонке, под смородиновой пальмой валялись пьяные вусмерть и от большой философской задумчивости упражнялись в стрельбе из автомата одинокими патронами.

Терзаемый неудовлетворительным предчувствием и немало ошарашенный тем, что никто его не встречает, а яблоко вот оно висит, спелостью наливается, бери – не хочу, стоял Елпидифор в нерешительной эмоции, как вдруг видит – летит прямо в него переливающаяся лунными отблесками глупая пуля.

– Ничего себе, – молвил бесстрашный Елпидифор, – вот, значит, как у вас тут хлебом-солью потчуют.

Сделал лесничий шажок вправо, надел танкистский шлем, пригнул макушку, пуля вокруг него проскочила и сгнула в плотных слоях атмосферы. «Однако здесь криминогенная обстановка, – подумал герой. – Кому ж это понадобилось в нечаянных проходимцев неотразимую гибель посылать? Дай-ка, я сползаю на разведку, приструню хулиганов».

Зарядив стрелу в арбалет, подобрался он на корячках к яблоне, а яблоня как раз на пригорке стояла, и с высоты все расположение пейзажа хорошо просматривалось. Глядит Елпидифор в инфракрасный прицел – высовывается из дебрей африканской клубники оружейное отверстие. Кто стреляет – в темноте рожи не видно, но по нестерпимому философскому перегару чувствуется, что метит в яблочко. «Э-ка, что задумал, вражеский безобразник, – сказал про себя Елпидифор, – преступное вмешательство в движение исторических событий!»

Не дожидаясь, пока невидимый убийца разнесет мишень на ошметки, лесничий вынул руку из кустов, схватился за

яблоко, и в этот момент прогремел другой выстрел. Вскинь он руку чуть позже, было бы у сказки другое завершение. А так – фрукт, целый и невредимый, остался в ладошке у лесника, пуля же, пронзив насквозь то место, которое яблоко занимало на черенке, уплясала в распростертый горизонт.

Сию же минуту в лесничего со всех сторон вмазали проектора, завизжала траурная сигнализация, ожил матюгальник, прибитый к корню на перевернутой вверх тормашками березе.

– Кто мне весь обстрел испортил? Такую траекторию заporоть! – заорал несвойственным себе криком меткий плодово-ягодный стрелок в свисающий с уха микрофон и показался из кустов во весь свой людоедский масштаб.

– Ну, я испортил, твое благородие, – скромно отвечал Елпидифор, вставая с земли и придерживая злого вурдалака на арбалетной мушке.

– Это что еще за путешественник к нам на участок приперся? – выкатился из-под пальмы второй сторож в обнимку с бутылкой, в которой колыхалась украденная из погреба колдуньи мертвая вода, в грамотной пропорции разведенная с живой. – Ты кто таков будешь, камикадзе?

– Охотник я, – молвил смельчак, не спуская глаз с прицела, – его канцелярского величества Полкана личный лесничий, а зовут меня исчезающим именем Елпидифор – батюшка эдаким прозвищем угораздил.

– Лесничий, говоришь? И, стало быть, на охоту с сабель-

кой и арбалетом ходишь? – выказал сарказм лежебока, случайно вырубая пьяной ногой сигнальное пение сирен. – А почему не с карабином аль не с дубиной? Дубина – это ведь как романтично!

– Да на охоте дубин с карабинами и без того хватает, – нашелся с околичным высказыванием Елпидифор. – Вы лучше сами-ка огласите свои паспортные фамилии-отчества, господа неприветливые?

– Меня зовут Мелево, – взял речь первый вурдалак, – а этого потребителя мертвой и живой воды вперемешку с бензином кличут Копуша. Сторожим мы яблоню колдуньи Ягини и все ее селекционные художества от вторжения заграничного инвестиционного климата и от всяких там воругов.

– То-то я и гляжу, что вы сторожите, – сказал лесничий, все еще выбирая у Мелева на морде место, куда выпустить стрелу, – охаживаете знаменательный саженец свинцом из автоматической системы Калашникова.

– Понимал бы что в парадоксальном суждении! – хмыкнул Мелево. – Отдавай то, что спер, и расставайся с жизнью. Прямо к ужину ты поспел. Сейчас мы тебя жрать начнем, потому как мы, по определению, пожиратели людишек.

– И любители созерцательного метода чувствования, по характеру, – икнул Копуша, абсурдно уставившись в небесный потолок. – Может, лакнешь нашего зелья напоследок?

– Хе-хе-хе, – нетвердо спросил Елпидифор, – извините, конечно, немилосердно, но что вы во мне, таком жестком и

костлявом, нашли, за что меня можно было бы скушать, господа ученые лауреаты? И, прошу прощения за дополнительный интерес, по какой-такой теории вы увлекаетесь каннибализмом?

– Теория подсказана нам приравненной к богам алхимической Ягинею, с которой у нас трудовой договор по охране ее околонуточной деятельности имеется, – пояснил Мелево. – Наша колдующая работодательница, если тебе это не известно, желая собственными глазами ознакомиться с пагубным концом этого света, решила шпионским образом откосить от смерти. И вслед за нею мы, не как продажные Маты Хари, но как два отрешенных от мира космополита, отчаянно стремимся увидеть истину в ее самом кошмарном варианте. Из надежных осведомительских источников в поднебесной администрации нам стало известно, что вечность уже отмерена, и осталось человечеству телепаться на голубой планете ровно 10 000 лет. Что и говорить, срок, конечно же, немалый, и человек – не черепаха каменная, чтоб прожить сто жизней подряд в складчину, но для тех, кому особенно хочется живьем посмотреть, с каким звоном здоровенная вселенная разлетится ко всем чертям на миниатюрные компоненты под торжественный аккомпанемент божественных сфер, нет ничего невозможного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.